

она
водой затаивается
в бестрепетный и гладкий
опавший парашютный шёлк.
... «о господи, пришёл!»...

дитя катает по воде машинку,
наводит в бочке волны-беспорядки,
разглядывает в них себя в морщинах.
он знает всё о физике дождя,
о форме капель,
парашютный шёлк
кроит, сшивает парус одинокий,
победным носом яхты разрезает
мечты железа о цветении воды,
старееет над водой,
ведь даже бочковая
вода – она, скорее, время,
чем парашют, чем парус одинокий

Захар Павлович. Из Андрея Платонова

*Если вырвать Захара Павловича из контекста,
оторвать его от Саши и от сашиного отца,
отодвинуть отцову лодку как средство удовлетворения любопытства к смерти
и заодно не заметить сашину удочку на том самом берегу,
забыть о сашинем гробе, пошедшем за ненужностью в печку по надобности в тепле...
Нет-нет, если просто сделать усилие над своей любовью к Андрею Платоновичу
и с усилием, далеко не дочитав, закрыть книгу, увидев «нежный гул точной машины»,
то можно задуматься о Захаре Павловиче, можно думать только о Захаре Павловиче,
но только словами Андрея Платоновича, почти словами Андрея Платоновича,
ведь Захар Павлович состоит из них.*

*

Если бы ночью в дождь не запело так далеко,
что там, казалось, настал уже день и воздух был сух и высокочувствителен,
у Захара Павловича, равнодушной ко времени старой пустой рукой
отбивающего ночью часы в церковный колокол,
был бы ум от любви к паровозу, живейшей машине, свободен,
и в личное время он так бы вертел и вертел бесполезные башни из проволоки.

В путь – к паровозу смолкшему, к времени красоты,
всё ближе даль песнопений, вращений, дымностей, таинств и тайн железнодорожных,

и вошёл Захар Павлович во врата, в рай депо, инструмент обрёл, не пусты его руки, удар в них особый, нежно поставленный.
В существо паровоза влюблён, верил в Бога бы, неосторожно просил бы он мастера: «Научи меня, Господи», но говорил: «Господин Наставник мой».

И стал паровоз против сочувствующих людей,
высокий телом, громадный, согретый к составу ночному, к песне, великодушный.
Для Захара Павловича разогрелось личное время разверстых врат, где вечереет по-летнему, и его высоко трясёт,
и с паровозом он будет жить в сгущающемся смуглом будущем,
«в самозабвении ночи, риска, нежного гула точной машины». Вот, собственно, всё.

Вина

Когда весна коснётся воробьиным
невзрачным крылышком, чириканьем царапнет,
себя увидишь в зеркале невинным –
наивным и ничуть не виноватым.
Так заверни себя в блескуч и ярк
пуховичок, перевяжи скорей
нарядным шарфом – улице в подарок.
!Ударные дверей!

Вечерний тихий свет перекрывая,
трубит по-чёрному котельная района
про дым отечества. Перепевая
известное, «вина, вины, виною» –
и про тебя трубит прямолинейно.
И улица бросает весь свой лёд
тебе под ноги. Улице темней, но
подарок не берёт.

Нервны изломы веток чернокожих
[мир вывихнул сустав]. Ничто не приласкает.
Огонь в деревьях ню, в глазах прохожих
невидимый фонарщик возжигает.
Ты – малый воробей с разбитым сердцем,
с разбуженной сестрой-виной своей
допрыгавший по лужам до подъезда.
!Ударные дверей!

Конкурсная подборка 250. "Захар Павлович";.

Автор: Оргкомитет
13.04.2019 15:00
